

На следующий день, в полдень, у входа в гостиницу бесшумно остановилась небольшая повозка с серо-голубым навесом.

Лин Минь, одетый в снежно-белый утепленный халат, поверх которого был накинут плащ с меховым воротником, казался словно небожитель, спустившийся в мир смертных. Вокруг него не было и следа мирской суеты.

Му Цинфэн лично помог ему сойти с повозки и проводил в комнату.

Гу Шаобай, наблюдая за этим, не испытывал зависти, лишь сердце его сжималось от боли. Как бы то ни было, нынешнее состояние Лин Миня было следствием его действий. Хотя Лин Минь не раз подчеркивал, что сделал это добровольно, долг благодарности оставался, и его было невозможно вернуть!

Войдя в комнату, Лин Минь сразу же прилег отдохнуть и пролежал до самого ужина. Лишь к вечеру его бледное лицо приобрело немного естественного цвета.

После ужина Му Цинфэн, Лин Минь и Лэн Дун остались в комнате, обсуждая что-то, а Гу Шаобай взял две булочки и миску тушеного мяса, чтобы покормить большого черного пса.

Пес оказался не только злым, но и прожорливым. Он с аппетитом ел, время от времени поднимая голову и поглядывая на Гу Шаобая. Поскольку все были заняты, Гу Шаобай сам вызвался кормить собаку.

Неизвестно, было ли это игрой воображения, но после нескольких кормлений Гу Шаобаю показалось, что взгляд пса стал мягче, и он больше не оскаливался на него.

— Как бы тебя назвать? — задумчиво произнес Гу Шаобай, глядя на пса, который вылизал миску до блеска. Глаза собаки казались такими трогательными, что он не удержался и погладил ее по спине. — Почему у тебя такие влажные глазки? Может, ты снова хочешь искупаться?

— Ему просто не хватило еды...

— Э-э... — Гу Шаобай с кислым выражением лица уставился на человека, стоящего за ним. — Ты думаешь, я сам этого не вижу?

Му Цинфэн провел рукой по его длинным волосам, и Гу Шаобай почувствовал, как у него по коже пробежали мурашки. Жест был точь-в-точь таким же, как тот, которым он только что гладил пса.

Гу Шаобай взял пустую миску и направился на кухню:

— Ты закончил разговор с Лин Минем?

Му Цинфэн взял миску у него из рук:

— Я отнесу, а ты побудь с Лин Минем.

Гу Шаобай взял поднос с аккуратно разложенными пирожными из османтуса и вошел в комнату. Накануне он прогулялся по городу и нашел лавку, специализирующуюся на этих пирожных. Попробовав их, он сразу же влюбился в их вкус и купил целую пачку.

Окно было распахнуто настежь, и Лин Минь, опершись на подоконник, смотрел наружу.

Комната выходила на задний переулок, где, кроме серых крыш, не было ничего примечательного. Сероватый свет неба отражался в его ярких глазах, словно окутывая их пеленой печали.

Гу Шаобай поставил поднос на стол и подвел Лин Миня к стулу.

Затем он закрыл окно:

— Погода становится все холоднее, а ты стоишь здесь и ловишь холодный ветер.

Лин Минь улыбнулся:

— Ничего страшного. Ветер на юге влажный, а здесь, на севере, он сухой и холодный. Редко удается почувствовать его.

Он увидел пирожные на подносе, аккуратно разложенные квадратиками, с видимыми лепестками османтуса, и с радостью воскликнул:

— Это пирожные из османтуса!

Он взял одно из них и осторожно откусил. Через мгновение в уголках его губ появилась улыбка, но Гу Шаобаю она показалась горькой, словно смешанной с желчью.

Лин Минь устремил взгляд на оставшуюся половину пирожного, словно сквозь него видел что-то далекое и недостижимое:

— Мой старший брат мастерски готовил пирожные из османтуса... Тогда мы с ним жили с учителем в глухих горах, где редко кто бывал, не то что закуски. Но я был большим сладкоежкой, и брат, когда цвел османтус, собирал лепестки, выбирал лучшие и делал из них пирожные. Остальные лепестки сушили, чтобы использовать зимой...

— Я тогда только и знал, что играть, думая, что брат всегда прикроет меня. За это я часто получал от учителя, и брат всегда заступался за меня...

Он положил оставшуюся половину пирожного в рот и с трудом проглотил. Гу Шаобай поспешил налить ему воды.

Лин Минь с трудом проглотил, и голос его стал хриплым:

— Как я жалею... Почему я не слушал учителя и брата, почему не усердствовал в практике? Может быть, тогда я смог бы спасти брата...

— Щелк! — Лампа внезапно вспыхнула, осветив комнату на мгновение, и в этом свете на тонком, как крыло бабочки, лице Лин Миня явственно блеснули слезы, скатившиеся по щекам, словно жемчужины.

Мягкий свет, казалось, окутал его лицо теплом, и Гу Шаобай в замешательстве увидел себя много лет спустя, одинокого, тоскующего и сожалеющего в потоке времени, который уже никогда не вернется...

В стеклянных глазах Лин Миня отражалась его изможденная фигура. Гу Шаобай не выдержал и отвел взгляд. В свете красной свечи, свисающей с потолка, слои воска накладывались друг на друга.

В тихом красном свете он услышал вздох:

— Трава и дым, но тот, кого я знал, уже ушел. Хотя старая боль не утихает, в конце концов, смерть разделяет нас... Лин Минь, жди следующей жизни!

Лин Минь молча смотрел на него, словно задыхаясь от горя. Да, следующая жизнь... возможно, она принесет надежду.

Брат говорил, что обязательно найдет его!

Гу Шаобай пришел, чтобы утешить и поддержать Лин Миня, но не только не преуспел в этом, но и сам погрузился в пучину печали.

Закрыв дверь, он почувствовал, как все силы покинули его. Прислонившись к холодной глиняной стене, он долго стоял, прежде чем смог сдвинуть онемевшие ноги.

Ледяной ветер ударил ему в лицо, неистово кружась и поднимая клубы пыли.

Гу Шаобай моргнул, словно в глаза попала пыль. Он потер уголки глаз, но вместо пыли на ладони остались следы слез.

На черном небе сиял Млечный Путь, но его блеск не мог затмить луну.

Задумавшись, Гу Шаобай понял, что за восемнадцать лет своей жизни он провел их впустую. Кроме скромной известности, он не достиг ничего. Му Цинфэн был для него как луна на небе — он мог только смотреть на него, но никогда не достичь.

Неужели и его ждет судьба Лин Миня, оставляющая надежду только на следующую жизнь?

Лавка семьи Цинь в уезде Шоуцзянь была обычной лавкой сладостей. Обычной, но не совсем. Ее необычность заключалась в том, что леденцы на палочке, сделанные Цинь, считались лучшими во всей префектуре Шоинь. Говорили, что даже знаменитая лавка «Ван Шэнцзи» в городе Цзинлин не могла с ними сравниться.

Хозяин лавки, Цинь Лао Сань, которому было уже за шестьдесят, всю жизнь прожил в Шоуцзяне. Благодаря своему секретному рецепту сухофруктов, цукатов и леденцов на палочке, он смог женить своих трех сыновей и вырастить внуков. Теперь он уже готов был уйти на покой.

Зимой дни короткие, и, видя, что уже совсем стемнело, он собирался повесить последнюю дверную створку.

При свете тусклой лампы в лавке его старческие глаза с трудом различали крюк под карнизом. Руки ослабли, и дверная створка выскользнула из рук, угрожая упасть ему на лицо.

Цинь Лао Сань закрыл глаза, думая, что его конец близок.

В критический момент он почувствовал, как чья-то рука подхватила его спину, падающую на землю, а дверная створка, к его удивлению, не ударила его по лицу. Открыв глаза, он увидел перед собой высокого мужчину в темно-фиолетовом плаще.

Цинь Лао Сань поспешно оперся на дверной косяк и поклонился:

— Благодарю вас, молодой господин!

Му Цинфэн заметил, что Гу Шаобай в последние дни, хотя и не упоминал Гу Синбая, явно сильно беспокоился. Он стал есть меньше и похудел почти до состояния Лин Миня.

После ужина, когда Гу Шаобай разговаривал с Лин Минем, Му Цинфэн вышел на улицу, чтобы найти что-нибудь особенное для перекуса.

Пройдя некоторое время, он спросил у местного жителя дорогу и, следуя его указаниям, нашел это место.

Цинь Лао Сань, выслушав его, с сожалением ответил:

— К сожалению, старик уже не так проворен, как раньше, и каждый день делаю ограниченное количество леденцов на палочке. Сегодняшние уже проданы. Если хотите, можете оставить адрес, и я завтра приготовлю и принесу вам.

Му Цинфэн почувствовал разочарование. Гу Шаобай очень любил сладкое, и, по словам Юй Шисаня, когда его сопровождали на север, в каждом городе он обязательно покупал леденцы на палочке.

Он даже мог представить, как Гу Шаобай, с еще не зажившей раной на животе, держась за живот, с улыбкой на лице и одновременно гримасой боли, ел леденцы.

Цинь Лао Сань, увидев его разочарование, осторожно предложил:

— Если вы готовы подождать, старик может приготовить их сейчас...

— Хорошо, — Му Цинфэн, не дожидаясь окончания фразы, сразу согласился.

Войдя в лавку и пройдя к печи во дворе, Му Цинфэн вдруг сказал:

— Старик, может быть, вы покажете мне, а я сам сделаю?

Цинь Лао Сань посмотрел на него и засмеялся:

— Конечно, это не так сложно.

Итак, Му Цинфэн закатал рукава, вымыл руки и, следуя указаниям Цинь Лао Саня, начал шаг за шагом готовить леденцы на палочке.

Вчера я писал до десяти вечера, не знаю почему, вдруг пропала воля продолжать, поэтому тянул до сих пор! Но, господа, не волнуйтесь, я точно не брошу роман!

<http://bllate.org/book/16730/1538968>